

— Опять дрыхнешь, скотина?

Звучало сказанное беззлобно — это, можно сказать, был ритуал, повторяющийся каждое утро. Яран это знал и не обижался. Да и вообще, какой смысл обижаться-то? Не в его положении, как говорится.

— Дрыхну, хозяин.

Это тоже была часть ритуала, демонстративное смирение и безразличие. Граф, стоящий на пороге выделенной Ярану кельи (монахи, узнай они, как называются его апартаменты, удавились бы от зависти), немного печально хмыкнул:

— Хоть кто-то в этом замке мне не врет. Пошли завтракать, что ли.

Яран, кряхтя, вылез из-под невероятно теплого и столь же тяжелого одеяла, зевнул — уже не демонстративно, а по-настоящему, все же и впрямь проснулся буквально за пару минут до появления этого самоходного будильника — и потопал к умывальнику, на ходу почесывая успевший изрядно зарости густыми черными волосами затылок. Стоило побрить голову, конечно, в нынешней ипостаси растительность на теле доставляла определенные хлопоты. Стоило, но — лень.

Каменные ступени, по которым пришлось спускаться, выглядели изрядно потертыми. Ну да замку не одна сотня лет, чего уж там. Конечно, его

капитально перестроили, и теперь вместо подслеповатых бойниц он смотрел на мир широкими окнами, а серый камень стен изнутри покрылся богатой отделкой, на которой чужеродно выглядели почти добела выцветшие от времени традиционные гобелены. В результате все здесь стало ярким и светлым, хотя и малопригодным для обороны. Но полы... Вынимать и менять плиты дорого и сложно, замазывать мелкие повреждения цементом убого. Вот и остались потертости, которые скоро можно будет начать именовать ямами. И кое-какую лепту в их создание внес и сам Яран — чай, давненько уже здесь ходит.

Завтрак прошел как всегда — вначале слуги занесли и расставили посуду и еду, выставив все в идеальном, геометрически выверенном порядке. Потом сели взрослые. А затем примчались дети графа, и начался бардак.

Визги, писки, мелкое хулиганство... Яран с тоской и ностальгией вспомнил старые добрые времена, когда детей, вне зависимости от пола, возраста и социального происхождения, воспитывали поркой на конюшне. Затем нравы смягчились — вначале перешли с розг на вожжи, потом на ремень... Помнится, он своего воспитанника, который сейчас во главе стола устроился и с умилением наблюдает за отпрысками, как раз ремнем и порол. И все под бдительным присмотром его покойного батюшки, одобрительно кивающего на каждый особо звонкий шлепок.

А ныне что? Крайний случай мазазма, вот что. Как говорил один знакомый псарь: «Собака-то пятнистая. Просто белое пятно размером во всю со-

баку». Ударились люди, как им это свойственно, в другую крайность. В дворянской среде драть наследников (а также кидать в них подвернувшимися под руку предметами, лупить палкой и проводить иные воспитательные процедуры) стало вообще не принято. Как дальше жить будем? Нет, все-таки простолюдины с их куда более приземленным мышлением в этом плане умнее и от классических методов отказываться не спешат. И что прикажете делать Ярану? Ему же и этих субчиков еще на путь истинный наставлять как-то придется.

— Яран, — вывел его из раздумий голос графа. — Скажи мне, что ты думаешь о своем будущем?

— Мое будущее — служить вам, монсеньор.

— Не сомневаюсь. Пока не закончит действовать заклятие. Но вот представим, что его нет. Что дальше?

Вопрос застал Ярана врасплох. Что-то с утра потянуло хозяина на философию — не к добру это. Ни его предки, ни он сам ранее в подобных, носящих, скорее, теоретический интерес, вопросах замечены не были.

— Вы знаете условие, монсеньор. Заклятие, гарантирующее мои верность и службу, исчезнет только после того, как не останется прямой мужской линии вашего рода. А он, — кивок в сторону расхулиганившейся малышни, — пресекаться что-то не жаждет. Да и, откровенно говоря, ваша жена на втором месяце, у нее будет мальчик.

— И ты молчал?!!

— Вы не спрашивали, монсеньор, — злорадно усмехнулся Яран. Наложенные на него чары уже

почти двести лет удерживали его возле семьи графа, но не заставляли угадывать желания хозяина, так что можно было изображать тупого служаку хоть до посинения. Кстати, защищать его, случись нужда, они тоже не требовали — такой вот то ли прокол, то ли намеренная лазейка, оставленная накладывающим заклятие магом с какими-то ему одному ведомыми целями. Впрочем, тот маг давно умер, его уже не спросишь.

Между тем граф вскочил и расхаживал по столовой, будто лев. Разве что хвостом себя по бокам не хлестал, и то лишь из-за отсутствия такового. Графиня сидела на своем месте и тихо пунцовела. Яран же видел не только ее состояние, но и кое-что еще, вот только говорить не собирался. Пока, во всяком случае. А потом... Кто знает, что будет потом, но информация всегда может пригодиться. Имел возможность убедиться на собственном горьком опыте.

Между тем граф внезапно остановился, буркнул жене что-то вроде «С тобой я потом разберусь» и решительно уселся на свое место. Все правильно, война войной, а завтрак по расписанию. Однако по тому, с какой скоростью граф ел, было видно — ему не терпится поговорить с супругой тет-а-тет. Что же, его право...

Разговор неожиданно продолжился вечером, за ужином. На сей раз присутствовали только сам граф и Яран — детей отправили спать (хрен они заснут, конечно, наверняка продолжат буйствовать или во все сбегут в парк — в привидения играть), а жена на сей раз не пришла. Ну да, небось, перевели ее на особый режим, чтоб проблем у будущего младенца не

возникло. Зря она, что ли, предпочитала молчать? Так что ужинали мужчины в гордом одиночестве, и это придавало обстановке некоторую толику спокойствия.

— Яран.

— Да, монсеньор?

— Ты думаешь, я тебя утром просто так спросил?

— Нет, разумеется, — спорить или прикидываться, что не понимает, о чем речь, не было смысла. Если граф захотел поговорить о чем-то, значит, разговор состоится. Да и, честно говоря, самому было любопытно. Эту черту характера, несмотря на то, что она не раз доставляла проблемы, Яран так и не смог изжить.

— Это хорошо, — задумчиво протянул граф. Яран лишь плечами пожал — дурацкий человеческий жест, прилипший, словно вторая кожа. Чего тут хорошего, он не знал, однако и спорить не собирался. — Тогда слушай внимательно.

— Разумеется, монсеньор.

— У меня много врагов.

— Кто бы спорил. — Яран проворчал это себе под нос, однако граф услышал. И, что характерно, не обиделся. Лишь вздохнул:

— Да уж, предки мои постарались...

И с этим тоже не было смысла спорить. Предки графа (да и он сам, если честно) славились неуживчивым характером, не умели держать язык за зубами и с восторгом нарывались на дуэли. Последнее обстоятельство, на взгляд Ярана, было глупостью несусветной, однако с комментариями он не лез — каждый строит жизнь так, как считает нужным. Вот

только каждый убитый враг добавляет роду кровников. Учитывая же, что эту семейку уже не одно поколение учил сам Яран, ставя им технику боя, далеко превосходящую все то, что было известно местным любителям подержаться за эфес, трупов накопилось немало.

На взгляд самого Ярана, проблема решалась элементарным вырезанием недовольных до седьмого колена. Увы, и сам граф, и его предки, страдали вредным для здоровья уважением к рыцарскому кодексу. То есть не убивали детей, женщин и вообще непричастных, да и в спину почему-то стрелять брезговали. Хотя сами то и дело получали в нее гостинцы, когда свинцовые, а когда и стальные.

— В общем, Яран, — прервал неприлично затянувшуюся паузу граф, — я хочу, чтобы, если со мной что-то случится, ты позаботился о моих детях.

Вот теперь пришло время удивляться, но Яран предпочел лишь вопросительно заломить бровь. Как показывал его опыт, этот энергетически мало затратный прием частенько заменял кучу вопросов, которые требовалось вначале сформулировать. Что, к слову, не так-то и просто, особенно когда понятия не имеешь, с чего начинать, да и вообще о чем спрашивать. Сработало и в этот раз — граф вздохнул и озвучил детали проблемы.

Большая часть этих деталей (да и проблемы в целом) ничем Ярана удивить не могла. И впрямь, много врагов скопила в коллекции семья графа, чересчур много. Вот только назвать это по-настоящему серьезной проблемой язык не поворачивался. Богатство вкупе с весом при дворе и неписаными дуэль-

ными традициями ограждали их род, к слову, один из старейших в стране, от мести с эффективностью каменного забора.

Опасения вызывал, пожалуй, лишь тот факт, что в последнее время непонятные поползновения шли со стороны королевского двора. Именно что непонятные — вроде бы ничего конкретного, однако некие странные реверансы в сторону самых непримиримых врагов граф как-то отметил. И вдобавок очень уж многие воспрянули духом. В общем, дело ясное, что дело темное.

Яран с трудом удержался от того, чтобы сплунуть прямо на тщательно натертый слугами пол. Его воспитанник всегда отличался мнительностью, но на этот раз он, похоже, ухитрился переплунуть сам себя. Такие вот неясные слухи возникали с завидной периодичностью, и было это всего лишь отзвуком никак не иссякающих дворцовых интриг. Король просто обязан раздавать своим сторонникам авансы, пускай даже словесные. Ну, один дурак сказал, второй подхватил, третий неправильно понял — ерунда какая.

Примерно в этом ключе Яран и ответил, после чего разговор свернулся и больше не возобновлялся. Граф успокоился вроде бы. И все равно Ярану казалось, что он его до конца так и не убедил.

Граф оказался прав. И понял это Яран через два дня, когда ранним утром был вытряхнут из своей кровати мощным взрывом. Громыкнуло так, что содрогнулся, казалось, весь замок, и стекла посыпались из окон мелкой, сверкающей на солнце пылью.

— Твою ж налево! — прокомментировал Яран, вставая с пола. — Что это было?

Вопрос получился риторическим. Хотя бы потому, что в ушах звенело, и даже собственный голос звучал, как через толстый слой ваты. И это притом, что Яран был куда менее восприимчив к внешним воздействиям, чем прочие обитатели замка. Впрочем, для того, чтобы разобраться в происходящем, достаточно оказалось выглянуть в окно. И зрелище, которое открылось перед ним, впечатляло.

Внушительная стена, сложенная еще в незапамятные времена из массивных каменных глыб, выглядела целой. Почти. Там, где раньше были ворота, клубилось облако пыли — кто бы ни был виновником этого, постарался он на славу. И не только постарался, но и перестарался — взрыв получился избыточно мощным, и каменный свод привратной арки, не выдержав сотрясения, рухнул, завалив проход. Закупорился он даже лучше, чем это делали сами ворота. Иной разговор, что теперь высота преграды уменьшилась, и через образовавшуюся на месте прикрывающей ворота башни груды камней вполне можно было перебраться. Вот только получалось это у многочисленных, одетых кто во что горазд людей не слишком быстро.

— Вот сволочи, — выдал Яран второй комментарий. — Такую красоту сгубить...

Действительно, башня впечатляла суровой законченностью и простотой форм. Увы, даже если захотят ее восстановить, так, как раньше, уже не получится.

Оделся Яран быстро. Уж чему-чему, а этому великому искусству его научили еще дома. Точнее,

сам научился, впечатленный палкой сержанта на военных сборах — тот просто обожал лупить ею отстающих по жирным задницам. Даже самые тупые и ленивые сдавали норматив максимум через неделю. Сейчас навыки пригодились — и оделся, и даже произвел кое-какие необходимые манипуляции с организмом. Так что из комнаты он вышел как всегда, сверкая белоснежной улыбкой (да-да, почистить зубы Яран тоже успел), застегнутый на все пуговицы, элегантный...

Жаль только, что все его усилия пропали зря — те два олуха, что встретились Ярану на лестнице, изящную завершенность образа не оценили. Вместо этого они бросились на него, размахивая один шпагой, а другой устрашающего вида и сомнительной эффективности абордажным тесаком. И, наверное, очень удивились, когда разряженный хлыщ выкинул обоих в окно вместе с их железками.

Вторая группа, числом вдвое большая, повела себя ничуть не умнее. Похоже, у этих имбецилов осознание численного перевеса могло вызвать лишь реакцию атаки, на большее их мозги были не способны. Правда, у них было еще и огнестрельное оружие, но его слабым местом в этих краях по-прежнему оставалась долгая перезарядка. На долю Ярана пришлось лишь изящно уклониться, полюбоваться удивлением на лицах нахалов и отправить их в окно следом за первой группой. Летели красиво, а вот пятна на камнях, которыми был выложен двор, получились неэстетичные. Впрочем, то не было виной Ярана, это они зачем-то в полете крутились да конечностями размахивали.

Размышляя о падении нравов и быстром снижении поголовья людей с художественным вкусом, Яран все так же неспешно прошел к спальне графа и обнаружил ее хозяина, лежащего в луже собственной крови. Трупов вокруг хватало — граф не зря считался мастером клинка, и жизнь свою продал дорого. А еще, по всему выходило, что напали на него еще до, так сказать, официального штурма замка — те, кто лез через стены, вполне могли успеть сюда добежать. В конце концов, отравленные Яраном в свободный полет добежали, хотя и выглядели запыхавшимися и потными. Но вот на хорошую драку времени им уже не хватило бы. Равно как и на то, чтобы обшарить спальню, хорошенько вычистить ящики шкафов (какую резьбу при этом исцарапали, сволочи!) и убрать отсюда, прихватив раненых. По сути, здесь и сейчас находилось всего два человека, Ярану совершенно незнакомых. И стояли они над трупом... О-па! А ведь граф-то еще дышал! Слабо, но все же вполне заметно, и кровь пузырилась на губах при каждом вдохе.

Они начали поворачиваться к Ярану, хвататься за оружие, раскрывать рты... Все это выглядело в искусственно подстегнутом восприятии настолько медлительно и натужно, что Яран с трудом удержался от смеха. Два быстрых шага вперед — и столкнувшиеся лбы незваных гостей издали звук, подобный бильярдным шарам. Один треснул, забрызгав все вокруг пеной из крови и мозгов, второй, более прочный, остался цел. Ненадолго — Яран тюкнул его по темечку кулаком, а затем толкнул в сторону двери. О косяк твердолобый и приложился — виском, что характерно. Насмерть.

Яран склонился над графом, подумал секунду... Из смерти этих двоих он смог извлечь маленькую толику силы. Увы, очень маленькую — не был Яран профессиональным некромантом, да и энергия этих людей принадлежала не совсем его стихии. Конечно, если провести ритуал по всем правилам, то результат можно получить куда лучше, но откуда было взять мел, свечи, а главное, время? Пентаграмму ведь рисовать — это целое искусство! Но все же мало — лучше, чем ничего. Оставалось лишь отдать ее графу.

Он это умел. Не очень хорошо, во многом уступающая профессиональным целителям, с большой потерей сил, но умел. И потому, когда граф едва заметно шевельнулся и застонал, приходя в себя, это было ожидаемо.

— Яран...

При каждом слове изо рта графа выкатывались крошечные сгустки крови, и это было плохо. Нет, что спасти раненого не удастся, Яран знал сразу — сил для этого требовалось на два порядка больше, чем он мог дать. Ни один целитель не справится, разве что накопителями обвешается с ног до головы. И то не факт, что поможет. Некромант мог бы что-то придумать, но, опять же, не просто так — будут требоваться жертвы и время. Однако спасти и улучшить состояние — две разные вещи. Здесь и сейчас сил не хватило даже на то, чтобы купировать наиболее опасные повреждения, так что улучшение будет коротким. Яран это знал. И граф, несмотря ни на что, все понимал.

Понимал, но — держался. В глазах не было даже намека на страх, лишь усталость. И все равно взгляд